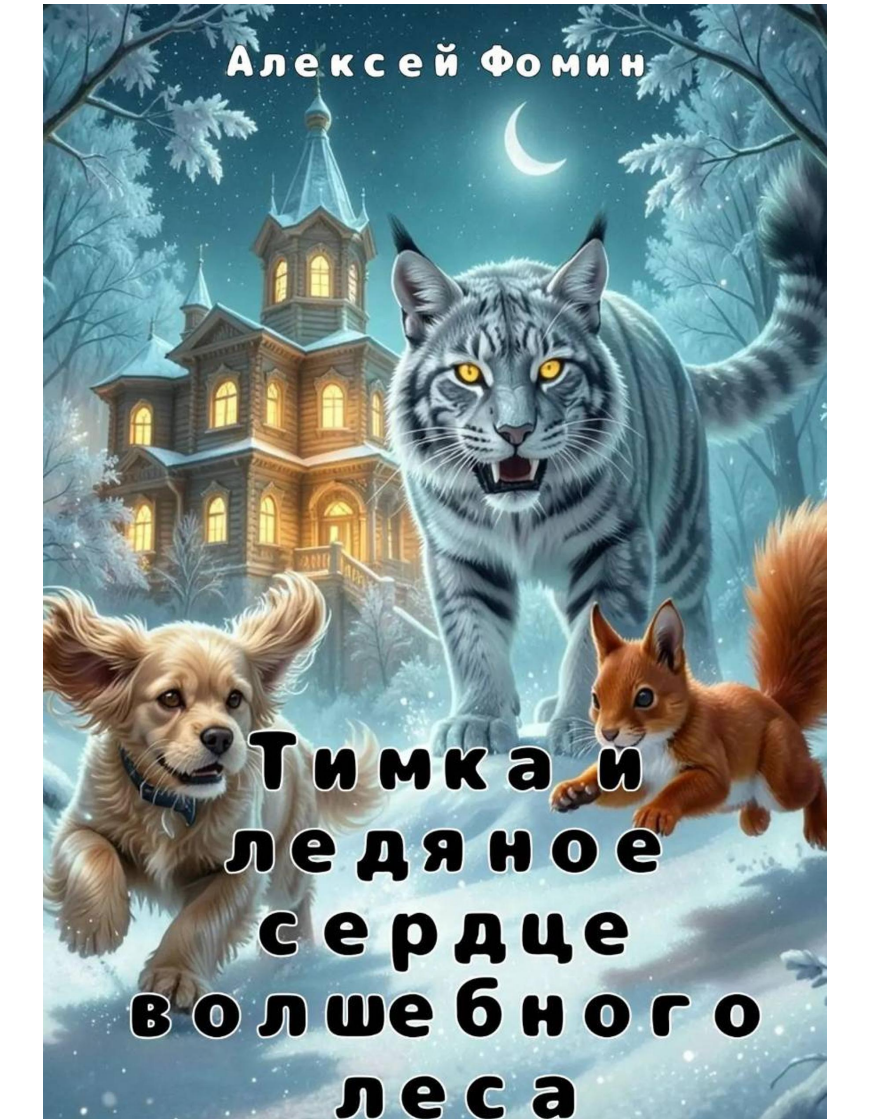

A vibrant, stylized illustration of a winter night scene. In the background, a large, multi-story wooden house with a blue roof and glowing yellow windows is partially covered in snow. A large, white tiger with black stripes and glowing yellow eyes is in the center, roaring with its mouth open. In the foreground, a golden retriever puppy is running towards the left, and a red squirrel is running towards the right. The sky is dark blue with a crescent moon and falling snow. The overall mood is magical and adventurous.

Алексей Фомин

**Тимка и
ледяное
сердце
волшебного
леса**

Алексей Фомин

**Тимка и ледяное сердце
волшебного леса**

<https://litres.ru/74375492>

SelfPub; 2026

Аннотация

У спаниеля Тимки – длинные уши, горячее сердце и самая лучшая семья. Когда в доме появляется маленькая Лизочка, он становится её преданным сторожем. Но однажды девочка тяжело заболевает, и спасти её может только волшебное лекарство из Мышиного царства. Тимка отправляется в зимний лес, где его ждут старые друзья, коварный враг и ледяное колдовство, грозящее уничтожить всё тепло в мире. Сможет ли один пёс победить тьму, растопить холодное сердце и вернуть новогоднее чудо? Добрая сказка – о верности, смелости и силе любви, которая согревает даже в самую лютую стужу.

Алексей Фомин

Тимка и ледяное сердце волшебного леса

I

Тимка крепко спал у кровати Анюты, положив лохматую голову на лапы и по привычке прикрыв глаза длинными ушами. Задние лапы были вытянуты, а хвост свернут в колечко. Но несмотря на крепкий сон, Тимка едва слышно рычал, и задние лапы напряженно подрагивали. Даже во сне ему не давал покоя соседский хулиган и задира Джек, с которым Тимка периодически сталкивался во дворе на прогулках и хотя собаки были друзьями и часто вместе резвились на площадке, бегая за желтым мячиком или гоняя дворовых кошек, но их совместные прогулки с завидной регулярностью заканчивались потасовкой. А все потому, что Джек иногда дразнил Тимку за его длинные уши, называя то лопоухим, то ушастиком, и постоянно норовил легонько цапнуть за них.

Уши были предметом Тимкиной гордости. Это были два длинных шелковистых облачка цвета кофе с молоком, они начинались от самой макушки мягкими завитками, словно крошечные барашки, а потом ниспадали вниз, словно два широких полотнища. Но уши порой жили своей жизнью, когда он настораживался или прислушивался, уши приподни-

мались у основания, превращаясь в два локатора. В радости или на бегу они парили и развивались на ветру, будто два флажка, а в задумчивости или грусти стелились по полу, собирая на кудри пылинки. Это были верные спутники, парашюты для мягкой посадки, подушка для усталой мордочки, защита от солнечного света для глаз во сне.

И, конечно, Тимка не позволял обижать свои уши, всякий раз при таких попытках вступая в драку, из которой неизменно выходил победителем. Джек был хоть и задира, но довольно трусливый.

А пока Тимка спит давайте познакомимся с ним поближе. Кто же он такой? Тимка – собака породы спаниель, который живет на Апельсиновой улице в доме номер 17 со своей хозяйкой Анютой и ее родителями. Когда Тимка был еще щенком, в аккурат под Новый год, Анюта написала письмо Деду Морозу и положила под подушку, но утром, увидев, что письмо так и осталось лежать на месте, она до слёз расстроилась, тогда щенок, не выдержав слёз любимой хозяйки, решил сам отнести письмо Деду Морозу. По дороге попав в волшебный лес, среди заснеженных сосен и елок он познакомился с лесной красавицей – белкой по имени Алёнка, которая подсказала ему верную дорогу, а когда Тимка попал в руки к лесным разбойникам, то не раздумывая бросилась ему на выручку со своими подругами. Затем Тимка встретил хранителя леса – старого мудрого филина дедушку Фёдора, который рассказал ему, что злая ведьма украла вол-

шебный посох Деда Мороза и с его помощью заковала доброго волшебника в ледяном дворце, а доступ в него преграждал гигантский ледяной куб, сквозь который никто не мог пробраться. Дедушка Фёдор хотел спасти Тимку от ледяного посоха, с помощью которого злая ведьма превращала всех в ледяные статуи, не пуская его в лес, но, разглядев в груди маленькой собачки горячее сердце, призвал на помощь дятлов, а затем собой прикрыл Тимку от леденящего проклятия ведьмы. Пройдя через все преграды и стражников ледяного дворца, храбрый щенок разбудил Деда Мороза, а затем своим лаем заставил ее исчезнуть навсегда. Так храбрый спаниель доставил послание своей любимой хозяйки, и Анюта получила свой новогодний подарок, а Тимка завел новых друзей.

С тех пор прошел целый год. Никто из Тимкиной семьи не догадывался, через какие приключения прошел их домашний любимец, потому что Тимка был собакой и не умел разговаривать. Поначалу он часто вспоминал своих новых друзей – Алёнку, дедушку Фёдора, дятлов – и скучал по ним, но со временем воспоминания о волшебном лесу стирались из памяти, а им на смену пришли новые впечатления: ведь в их доме появилась Анютина сестрёнка Лизочка.

II

Это случилось в самом начале лета, когда Анюта пошла на каникулы. Они с Тимкой большую часть времени проводили на улице, играя в «Принеси мячик», «Догонялки», а иногда

просто сидели под деревом, и девочка весело рассказывала собачке разные истории. Тимка при этом лежал рядом и, распустив свои пушистые уши, внимательно слушал, ничего не понимая из Анютиного щебетания. Но в этот день они не пошли гулять, чему Тимка был несказанно удивлён: ведь на улице не капали противные мокрые мушки, которые люди называют «дождь». Сразу после завтрака девочка забралась на подоконник и сидела, глядя на улицу, словно чего-то ждала. Тимка из вежливости сидел рядом, искренне недоумевая: «Как можно сидеть дома, когда на улице столько интересного? Даже задира Джек гуляет, а он, Тимка, сидит дома». Под эти грустные мысли его глаза закрылись, и он задремал...

– ТИМКА! ПРИЕХАЛИ!

От Анютиного крика Тимка чуть не свалился с подоконника, непонимающе крутя головой, а девочки уже и след простыл, её быстрые шаги уже слышались в коридоре, а ничего не понимающий Тимка, ещё не придя в себя от сладкой дремоты, крутил лохматой головой. Хлопок входной двери моментально развеял собачью дремоту. Как так – в дом кто-то входит, а он все проспал? Тимка тут же с громким лаем соскочил с подоконника и быстрее пули понесся в коридор, но там его встретил тихий, но сердитый шёпот Анютиных родителей: «Тише ты, балбес, Лизочку разбудишь». От этого грозного шёпота Тимка встал как вкопанный и только тут разглядел на руках у Анютиной мамы, небольшой свёрток с розовым бантом. Свёрток пах теплым молоком. Тимка, ещё

не смея пошевелиться под сердитым шёпотом, потянул носом снова. От свёртка пахло не только молоком, там при­мешивалось что-то едва уловимое, совсем незнакомое: сладковатая приторность детского мыла, свежее полотняное бельё, чуть присыпанное крахмалом, и самое главное – живое, горячее, своё. Этот запах перебивал всё остальное, заставляя собачье сердце биться чаще: запах маленького человека, который пах иначе, чем большие, – мягче, беззащитнее, с ноткой чего-то младенчески-чистого, похожего на только что распустившийся цветок или на то тёплое место на подоконнике, где только что спал сам Тимка.

Спаниель замер, боясь дышать громко. Грозный шёпот ещё висел в воздухе, но любопытство пересиливало страх. Он осторожно, почти крадучись, сделал шаг вперёд, вытянув морду так, чтобы дотянуться носом до розового банта.

– Тш-ш-ш, – мама Анюты присела на корточки, одной рукой поддерживая свёрток, а другой загораживая его от собачьего носа. – Только тихо, Тимка. Это наша Лизочка.

Тимка не понимал слов, но понимал всё. Он перевёл взгляд на Анюту, которая стояла на цыпочках рядом с мамой, запыхавшаяся, с трудом сдерживая дыхание, с растрёпанными косичками, и заглядывала в свёрток.

– Мам, он не тронет, он хороший, – прошептала девочка и протянула руку, чтобы погладить Тимку по спине. – Тимка, это наша сестрёнка. Понял? Наша.

Собака осторожно опустилась на живот, положив лоба-

стую голову на вытянутые лапы. Он больше не рвался, не лаял, только принюхивался и слушал. Из свёртка доносилось тихое, чуть слышное сопение, такое лёгкое, что, казалось, вот-вот оборвётся. Тимка медленно, по-пластунски, подполз ещё ближе и лизнул край белоснежной пелёнки.

– Ну вот, знакомьтесь, – тихо сказал папа, стоявший до этого у двери с большой сумкой. – Теперь у нас в доме два сокровища.

Анютина мама устало, но счастливо улыбнулась и осторожно развернула край пелёнки, чтобы Тимка мог увидеть крошечное, сморщенное личико с зажмуренными глазками. Пахнуло ещё сильнее тем самым тёплым, молочным и живым, отчего у Тимки непроизвольно забился хвост – сначала робко, а потом всё громче, застучав по полу.

– Тише, лохматый, – уже без прежней строгости прошептал папа, и в голосе его звучало что-то мягкое.

Анюта обхватила Тимку за шею и прижалась щекой к его лохматой голове. А он переводил взгляд с маленького розового лица на лица больших людей и всё никак не мог унять хвост. Он понял главное: этот крошечный свёрток теперь здесь, и его тоже надо охранять, как Анюту, как этот дом.

Тимка, наконец, решился. Он осторожно ткнулся мокрым носом в пухлую ручку, торчащую из пелёнок. Ручка дёрнулась, но не заплакала, а только сжала крошечные пальчики, будто ловя что-то невидимое.

– Всё, – выдохнула мама, – теперь вы точно знакомы.

Тимка, довольный, улёгся тут же, у ног мамы, положив голову на её домашние тапки, и прикрыл глаза, но теперь не спал, а прислушивался. Он прислушивался, как в тишине квартиры дышит это новое, маленькое чудо. И запах теперь был везде: на маминых руках, на пелёнках, на Анютиной футболке. Запах, который Тимка запомнил навсегда.

III

С момента появления в доме Лизочки прошло шесть месяцев, и жизнь в семье преобразилась.

Тимка, который раньше был главным любимцем и всеобщим баловнем, вдруг обнаружил, что теперь его место на коленях у папы часто занято, что мама может часами сидеть в детской, напевая что-то тихое и монотонное, а на кухне появилась странная высокая конструкция, именуемая «стульчиком для кормления», с которой постоянно что-то капало и падало на пол – и это было самым вкусным, что случалось за день.

Но Тимка не обижался.

Он давно уже уяснил главное: Лизочка ещё слишком маленькая, и поэтому она – центр их семьи. Вокруг неё вращается всё: расписание прогулок, громкость телевизора, даже то, как быстро нужно съесть свою миску корма, чтобы потом не смотреть умоляющими глазами на маму, – всё равно сначала будут кормить Лизочку.

Самое удивительное, что Тимка сам превратился в няньку.

Это случилось не сразу. Первые недели он только осторожно принюхивался, когда ему разрешали приблизиться к кровати, где Лизочка проводила дни, или подолгу сидел возле нее и неусыпно следил, чтобы ни одна муха не смела приближаться к девочке. Потом, когда она начала ползать, Тимка научился убирать с пути свой хвост, потому что девочка хватала его с неожиданной для такого маленького существа силой. Он терпел. Даже когда она тянула его за лохматые уши, он только тяжело вздыхал и перекладывал голову на другую лапу.

– Золотая собака, – говорила мама, вытирая Лизочке рот после каши. – Терпит нашу красавицу.

Анюта теперь стала совсем взрослой. Ей поручили самое ответственное – следить, чтобы Тимка случайно не лизнул Лизочку в лицо, и чтобы Лизочка не тащила в рот Тимкины игрушки, и чтобы Тимка не играл игрушками малышки. Это было непросто, потому что оба постоянно пытались нарушить правила.

– Тимка, брысь! – командовала Анюта, когда видела, что собака тянется к погремушке.

– Лиза, нельзя! – грозным голосом говорила Анюта, когда замечала, что младшая сестра тянула ручонку к Тимкиному мячику-пищалке.

Особенно преобразилась кухня. Раньше Тимка крутился там только во время готовки, надеясь на упавший кусочек колбасы. Теперь же кухня стала местом стратегическим. Там

стоял тот самый стульчик, и Лизочка, восседа в нём, совершала настоящее таинство: она ела. Ела медленно, размазывая пюре по подносу, по своему носу, по волосам и иногда, по счастью, роняя ложку на пол. Ложка падала с таким звуком, что Тимка подскакивал и бросался её подбирать, но ему не разрешали. Разreshалось только облизывать пол, когда всё кончится.

И он ждал. Терпеливо, положив голову на лапы, в двух шагах от стульчика. Лизочка, заметив его, начинала улыбаться беззубым ртом и протягивать пухлые ручки, сжимая в кулачке кусочек печенья.

– Не давай ей кидать собаке! – кричала мама из коридора.

Но Лизочка уже кидала. А Тимка ловил на лету. Это была их маленькая тайна.

По ночам, когда Лизочка плакала, просыпался сначала Тимка. Он поднимал голову, прислушивался, а потом тихонько шёл к двери детской и ложился прямо на пороге. Иногда мама выходила, спотыкалась о него, тихо ругалась, но потом гладила по голове и говорила: «Сторожишь? Ну сторожи».

И Тимка сторожил.

Он знал все запахи Лизочки досконально: запах её молочной каши утром, запах детского крема после купания, запах её волос – такой же, как у Анюты, только слаще. И даже запах её слёз – солёный, тревожный, который заставлял его беспокойно перебирать лапами, пока плач не стихал.

Прошло полгода, и Тимка уже не представлял, как они раньше жили без этого вечно ползающего, плачущего или хохочущего, никогда не устающего, тянущего за уши чуда.

Он всё так же спал на подоконнике, но теперь просыпался не от Анютиного крика, а от Лизочкиного лепета, который доносился из детской. И это был самый лучший будильник на свете.

Однажды, в воскресное утро, когда родители ещё спали, Аня взяла Лизочку на руки и поднесла к окну, где дремал Тимка. Девочка неуклюже протянула ручку и коснулась тёплой собачьей спины.

– Тимка, – сказала Аня шёпотом, – смотри, она тебя уже знает. Она тебя любит.

Тимка открыл один глаз, лизнул Лизочкину руку и снова закрыл. Хвост его мелко-мелко стучал по подоконнику.

Он знал.

Он знал это с того самого дня, когда впервые учуял за розовым бантом запах живого, горячего, своего.

IV

Вот и сейчас, несмотря на крепкий сон, Тимка чутко слышал каждый шорох, каждый посторонний звук, что доносился до его роскошных пушистых ушей. Метель за окном завывала второй день, ветер гудел по крышам, срывал с карнизов ледяную крошку и бросал в лица запоздалым прохожим. Скрипнула половица в квартире на втором этаже, послышалось сытое урчание холодильника, журчание воды в трубах

— все эти звуки были привычны Тимкиным ушам и не вызывали никакой тревоги.

Неожиданно в монотонный шум ветра вмешался посторонний звук, сначала это был даже не звук, а едва слышный шорох, который невозможно расслышать человеческим ухом, но для Тимки это был признак тревоги, постороннего, неизвестного, а значит, опасного. Шорох не прекращался и становился все громче, постепенно превращаясь в лёгкий топот маленьких лапок. Тимка приоткрыл глаза и, не поднимая головы, внимательно осматривал комнату, готовый в любой момент соскочить и наброситься на незнакомца, но глаза не могли разглядеть ничего в полумраке комнаты. Тогда в дело включился нос, почти бесшумно лохматый сторож втянул в себя воздух, и нос мигом нарисовал картину комнаты, состоящую из привычных запахов: мебельной древесины, покрытой старым лаком; едва уловимый шлейф яблочного шампуня от Анютиных волос; ощущения какао из кружки, забытой на столе; чего-то девичьего, исходящего от школьной формы, висящей на плечиках в шкафу: подоконник, любимое место Тимки, хранил его собственный запах: шерсть, нагретое солнцем дерево и засохший кусочек печенья, который он припрятал на чёрный день.

Но сейчас печенье не интересовало его. Справа, от окна, тянуло свежестью, и именно оттуда доносился посторонний запах. Пахло землей, сухой листвой, чем-то зерновым, запах был резким, древним, звериным. Тимкин нос затрепетал, ла-

пы сами напряглись, но он не бросился, а пригляделся в угол откуда доносился запах и звук и увидел два серых комочка размером с Лизочкин кулачок, глазки-бусинки, полукруглые ушки, маленькие носики, беспрестанно тревожно обнюхивающие окружающее пространство, и длинные розовые верёвочки-хвостики. Они крались вдоль стены и издавали тихий писк, видимо, о чём-то переговаривались на своём языке.

Тимка замер. Он никогда раньше не видел таких существ, но чутьем понимал, что они вряд ли могут представлять опасность для его семьи, поэтому продолжал наблюдать. А существа тем временем пересекли Анютину комнату и направились в сторону кухни. Тут Тимка разглядел, что на спине у них закреплены маленькие сумочки, а один из чужаков сильно хромал, припадая на заднюю лапку, поэтому двигались они очень медленно. Осторожно и бесшумно Тимка поднялся, намереваясь продолжить слежку, но хвост предательски стукнул о ножку кровати. Зверьки повернули мордочки в его сторону, и их глазки-бусинки наполнились ужасом. Испуганно пискнув, незванные гости бросились бежать, но удрать смог лишь один из зверьков, а его товарищ с перепугу влетел в погребушку, оставленную Лизочкой, и, пискнув упал на спину.

Тимка ошарашенно постоял несколько секунд, а затем осторожно подошел к лежавшему зверьку. Медленно, стараясь не делать резких движений, опустил голову, и обнюхал его. Теперь, когда существо было так близко, запах стал яр-

че и объёмнее: пахло сухим сеном, старой древесной трухой, но главное, что уловил Тимкин нос, сквозь всю эту смесь, – пробивался тонкий, едва различимый запах страха, кисловатый, едкий, заставляющий шерсть на загривке у самого Тимки вставать дыбом, хотя он и понимал, что эти крохи ему не угрожают. От этого запаха у собачки на мгновение дрогнуло сердце, и он уже почти успокоился, как вдруг зверёк, видимо, решив, что гибели всё равно не миновать, отчаянно вцепился маленькими острыми зубками прямо в мокрый Тимкин нос. От неожиданности и острой боли Тимка едва на взвизгнул, но вовремя опомнился, ведь в доме все спали, особенно Лизочка, и если он её разбудит, то никому не поздоровится. Пёсик дёрнул головой, сбросил обидчика и мгновенно прижал его лапой к полу. В носу саднило, глаза защищало от слёз, но сквозь боль Тимка вдруг услышал, как зверёк громко, отчаянно и тоненько запищал, и в этом писке была не злость, а страх – такой огромный, что собачье сердце дрогнуло. Спаниель осторожно, почти не дыша, опустил голову и лизнул обидчика шершавым, тёплым языком, как бы успокаивая его.

– Пи-пи? – пискнул незванный гость вопросительно, и в этом звуке уже не было прежнего ужаса, только недоумение.

Тимка в ответ тихонько, по-дружески вильнул хвостом. Он лёг на брюхо, положил морду на лапы и уставился на гостя, часто дыша распухшим носом.

– Пип-пи-пи-пи-пи! – застрекотал тот, словно пытаясь

что-то сказать. Потом сделал шаг вперёд, прихрамывая, и поклонился Тимке, коснувшись носиком пола.

Тимка не понял жеста, но понял главное, что его больше не боятся. Он протянул нос к гостю и осторожно, едва касаясь, лизнул его в макушку. Его запах перестал быть чужим. Он стал просто запахом того, кого надо пожалеть, защитить, как когда-то Лизочку.

Гость, совсем осмелев, потянулся своими длинными верёвочками-усиками к Тимкиному носу и тихо-тихо пискнул. Тимка лизнул его в ответ, все также осторожно, и от этого у мышонка задрался хвостик и задрожали усы. Так, лёжа на полу в лунном свете, они и познакомились – большая лохматая собака и крошечный серый комочек с хромой лапкой.

Вдруг серый зверёк, устроившись на тёплой Тимкиной лапе, поднял мордочку и застрекотал быстро-быстро, показывая лапкой в сторону, потом на свою хромую лапку, потом снова в окно. Тимка наклонил голову, прислушиваясь, не понимая ни слова из его писка, но чувствуя в звуке тоску и отчаяние. Затем, словно поняв, что собака не разбирает его языка, поднялся на задние лапки и попытался уйти, но хромая лапка предательски подломилась, и он, пискнув, упал.

Тимка понял. Он понял всё. Его гость хочет домой, а больная лапка не даёт идти. Пёсик медленно поднялся, стряхнул с лапы остатки сонной истомы и сделал шаг к новому другу. Осторожно, почти нежно, ткнулся носом в мышиный бок, и лёг на живот, подставив спину. Потом обернулся и тихонько

рыкнул: мол, забирайся! Я тебя донесу.

Хромой зверёк удивлённо и настороженно посмотрел на Тимку, но, осмелев, вскарабкался по его шерсти, при этом Тимка раненым носом поддерживал его, и устроился на загривке, прямо между лопатками, и ухватился за шерсть, как за поручни.

Тимка осторожно поднялся и аккуратно двинулся вперёд, бесшумно ступая по скрипучим половицам, чувствуя, как на его спине дрожит крошечный комочек, доверивший ему свои жизнь.

Спаниель по-хозяйски направился на кухню, так как считал, что именно туда направлялись незваные гости, но, пройдя порог, он услышал, как за спиной раздался писк, по которому Тимка догадался, что идет не туда. Озадаченный он остановился и повернул голову к своему наезднику, а тот, освоившись на спине, указывал лапкой в сторону ванной. Тогда Тимка развернулся и направился в ту сторону, куда указывал зверёк, но зайдя в ванную комнату, вновь остановился в недоумении. Раздавшийся писк за спиной вывел его из ступора, наездник, воодушевлённый тем, что скоро будет дома, перебрался ему на голову и лапкой указывал под ванную. Тимка, тяжело вздохнул. В голове всплыло воспоминание, как месяц назад он, оставшись дома один, залез под ванную, а когда попытался вылезти – застрял. Долго дёргался, крутился, пытался вылезти, но все было бесполезно. Так и просидел под ванной три часа, пока Анята не пришла из школы.

Она тогда долго смеялась, а он, Тимка, скулил. Не от страха, а от унижения. Великий спаниель, повелитель дивана и гроза голубей, застрял под ванной, как глупый щенок. Конечно, Анята вытащила его за лапы из-под ванны, но с тех пор Тимка побаивался это место и больше туда не лазил.

Сейчас же его серый наездник подталкивал вновь залезть под ванную. Тимка прикинул расстояние. Уши мешают, ну ничего, уши можно прижать. Голова пролезает проверено месяц назад, а значит и остальная часть Тимки должна пролезть. Он лёг на живот, втянул его как можно сильнее и начал вползать. Сначала лапы, потом нос, потом голова, потом уши, которые предательски застряли. Пришлось встряхнуться, засунув их вперёд, как два локатора. С огромным трудом, но Тимка со своим новым другом оказался под ванной, а там....

V

...Там был другой мир. Темно, пыльно, пахло плесенью и древними тайнами. Тимка моргнул, привыкая к полумраку. Его нос, несмотря на укус, жадно тягивал воздух, выстраивая в голове картину из запахов. Целый мир, скрытый от людских глаз за фаянсовым бортиком. Серый комочек радостно запищал и спрыгнул с его морды прямо в тёмный проём между трубой и стеной. Оттуда донёсся приглушённый, но взволнованный стрекот. Затем из проёма выглянула его весёлая мордочка и, пискнув, он замахал лапой, зовя за собой. Инстинкты подсказывали Тимке, что совать нос в чу-

жую нору неразумно, но любопытство взяло верх, и он, протиснувшись под ванной к проёму, заглянул туда. В следующую секунду земля ушла из-под лап, и он покатился куда-то вниз, теряя ориентацию, ударяясь боками о сырые стены, уши хлопали по воздуху, хвост застревал в корнях – он летел в неизвестность.

Падение было недолгим. В последний раз зацепившись длинным ухом обо что-то колючее, Тимка шлёпнулся на горю листьев и кубарем скатился вниз. Он энергично встряхнул головой, избавляя потрёпанные уши от сухих листьев и древесной трухи. Спаниель оказался на мягкой, упругой подушке из осеннего гербария, которая пахла прелым деревом, грибами и чем-то сладковато-цветочным, – видимо, где-то поблизости сушились лепестки каких-то цветов. Пёс осторожно приподнялся, отряхнул пыль с шерсти и застыл. Сердце его застучало чаще.

Вокруг простирался подземный город. Своды его уходили вверх на высоту человеческого роста и были сплетены из старых газет, обрывков обоев и кусочков ткани, скреплённых паутиной. Сквозь эти лоскутные перекрытия пробивался мягкий, голубоватый свет. Тимка поднял голову и увидел, что свет исходит от десятков капель воды, застывших на ржавых трубах и старых водопроводных соединениях – они мерцали, как крошечные луны, отражая скудный свет, проникающий из щелей в полу.

– Добро пожаловать в мышиное царство! – раздался писк-

лявый голосок. Тимка вздрогнул от неожиданности и обернулся. На куче листьев стоял его новый друг, глазки-бусинки которого весело блестели.

Теперь, в подземелье, при свете, Тимка наконец смог как следует разглядеть своего провожатого. Мышонок был крошечным, всего с Лизочкин кулачок, но держался с удивительным достоинством. Его шубка переливалась мягким пепельно-серым цветом, чуть светлее на животике, где мех был нежным и пушистым, как облачко. Большие округлые уши, почти прозрачные на просвет, розовели изнутри и постоянно двигались, ловя каждый звук. Длинные, шелковистые усы – длиннее самого мышонка! – трепетали при каждом движении, а на самом кончике носа, влажного и блестящего, дрожала крошечная капелька. Хвост, тонкий и розовый, как ниточка, был закручен в забавное колечко и сейчас нервно подёргивался. На задней лапке, чуть выше скакательного сустава, Тимка разглядел тёмный след от недавнего ушиба – ту самую хромоту, из-за которой мышонок не мог добраться до дома.

– Меня зовут мышонок Пико. Спасибо, что помог мне добраться, – Тимка продолжал удивлённо смотреть на мышонка. – Как тебя зовут?

– Тимка. Спаниель Тимка, – от неожиданности Тимка замолчал. – Ой, а как это? – спросил пёсик, а Пико расхохотался.

– Ты чего? Мы же в магическом мире, тут все живые су-

щества умеют говорить и понимать друг друга.

– Значит, ты говоришь... – Тимка осторожно присел на задние лапы. – Ты говоришь, что я теперь тебя понимаю? И ты меня?

– Ага! – Пико взобрался на сухой гриб, росший прямо из трещины в бетонном полу, и гордо выпрямился. – В магическом мире все говорят на одном языке. Даже ты, хоть и большой и лохматый.

Тимка потрогал лапой свой нос, который всё ещё саднил после укуса.

– А ты зачем меня укусил? Я же не хотел тебя обидеть.

Пико смутился. Он опустил глазки-бусинки и начал тереть длинный ус.

– Прости... Я испугался. Ты такой огромный! Я думал, ты меня съешь. У нас в Мышином царстве про собак рассказывают страшные истории. Говорят, они охотятся на мышей, грызут наши норы и трясут нас за хвосты.

Тимка фыркнул и обиженно задрал голову.

– Ну уж нет! Я спаниель. Мы вообще охотимся на уток. А мышей... – он задумался. – Мышей я вообще никогда не видел до сегодняшнего дня.

Тимка замолчал и осмотрелся по сторонам. Здесь, в подземном царстве, бурлила жизнь. По мостикам из спичек и лезвий, перекинутых между старыми батареями, сновали зверьки в серых шубках. Одни тащили на спинах крошки хлеба, другие, совсем маленькие, учились читать на обрыв-

ках конфетных фантиков, старая мышь с очками из проводочных колечек водила лапкой по буквам, а мышата старательно повторяли писклявые звуки. Третьи, важные, с сумочками через плечо, куда-то спешили по делам.

Дороги города были вымощены кусочками линолеума и наждачной бумаги, а кое-где – настоящим мрамором, крошечными пластинками, которые, когда-то были частью кафельной плитки в человеческой ванной. На перекрёстках стояли стрелки: «Хлебные склады», «Королевский дворец», «Выход в большой мир». Всё было продумано, как в настоящем государстве.

Вдруг волна шума стала накатывать отовсюду, со всех сторон, на спаниеля надвигалась целая армия серых теней. Они обступили Тимку плотным кольцом, сверкая чёрными бу-синками глаз, и в этих глазах не было страха – только любопытство и настороженная решимость.

– Кто привёл чужака? Кто нарушил запрет?! – заговорила самая крупная мышь, с белым пятнышком на груди, выходя вперёд. Он был в несколько раз больше остальных и носил на голове подобие короны из скрепки.

Тимка прижал уши. Тон, которым говорила мышь был явно недружелюбным. Он хотел попятиться, но кольцо окружавших его мышей было очень плотным. Его новый друг, Пико, выскочил из-за спины, подбежал к говорившему, размахивая лапками, показывая на свою хромую лапу и на Тимку, начал что-то негромко рассказывать. Он явно объяснял,

что собака его спасла.

Мышь в короне, нахмутив свою острую мордочку, внимательно слушала Пико. Остальные мыши замерли, превратившись в серые статуэтки. Затем наступило тревожное молчание. Тишина длилась целую минуту, и Тимка настороженно застыл в ожидании вердикта.

Потом король подошёл к Тимке, бесстрашно вскарабкался на его лапу и, задрав голову, посмотрел в глаза собаке. Тимка замер, стараясь не дышать на него слишком сильно.

– Спасибо, – сказал король тихо. – Меня зовут Белогруд, и я король мышинового царства. Мы рады приветствовать тебя у нас в гостях. Ты бескорыстно помог нашему гонцу, даже несмотря на то, что он укусил тебя. Как зовут тебя, благородный пес?

– Я Тимка, спаниель. – После этих слов по толпе мышей прокатился ропот. Король Белогруд удивлённо посмотрел на своего собеседника.

– Тимка?! Тот самый Тимка, что спас Деда Мороза и волшебный лес?! Тимка – победитель злой ведьмы?! – Теперь уже настала очередь Тимки удивляться осведомленности короля мышей.

– Да, это я, но откуда вы знаете?

Но король вместо ответа на вопрос повернулся к мышинной толпе и произнёс:

– Мышиный народ, поприветствуйте героя волшебного леса и отныне лучшего друга мышинового царства. Отныне

каждый из вас, кто встретит его на своём пути, обязан исполнить любую его просьбу!

Дружный троекратный писк прокатился по толпе, собравшейся вокруг Тимки и Белогруда.

– Идем со мной во дворец. Там мы сможем оказать помощь раненому Пико и осмотрим твой нос. Я вижу, он, несмотря на свой размер, здорово тебя потрепал. – Король указал на Тимкин нос, который снова начал кровоточить, и усмехнулся в длинные усы. – Ну ничего, мы это легко вылечим.

И, не произнеся больше ни слова, он направился в сторону указателя «Королевский дворец».

VI

Процессию возглавлял король Белогруд в сопровождении нескольких мышей-охранников, следом несколько мышек несли на носилках Пико, Тимка замыкал колонну и смотрел на окружавшую его красоту, разинув пасть от изумления. Они прошествовали по главной улице, обе стороны которой украшали деревянные домики с резными наличниками из зубочисток, с крылечками из пробок и ставнями из лепестков роз. Из одного домика доносилась музыка и громкое пение – видимо, там был какой-то праздник. На маленьком столике стояли тарелочки с кусочками яблока, а вокруг стола плясали мыши-музыканты, играя на дудочках из стеблей тростника и барабанах из грецких орехов.

В центре улицы стоял памятник, точнее, не памятник, а

большая, начищенная до блеска монета, на которой был выцарапан профиль мыши в короне, точь-в-точь такой же, что украшала голову Белогруда. «Мышан Первый. Основатель мышинового царства» – гласила выгравированная надпись на монете. Вокруг монеты вились огоньки: мыши приспособили для освещения светлячков, заселённых в крошечные стеклянные банки из-под лекарств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.